

Посвящение
Моим маме и папе

БЛАГОДАРНОСТИ

Когда выходит книга, обычно все лавры достаются писателю. Но роман — это плод коллективных усилий.

Спасибо моим редакторам, Джилиан Редферн, Джессике Вэйд и Крэйгу Лейнаару, за бесценные советы по сюжету. Редакторы забрасывали меня идеями, заставляли сосредоточиться, прийти в себя, когда мне казалось, что я занимаюсь не своим делом не на своем месте, вытаскивали из логических тупиков.

Я безмерно благодарен своему агенту Яну Дурри за доверие и за то, что он отправил меня кубарем вниз по кроличьей норе.

Мои благодарности тем, кто работал за сценой: Миранде Хилл, Стиви Финегану, Алексис Никсон, Йену Мак Менеми и всем остальным, помогавшим продвигаться моей серии.

Спасибо Гайе Бэнкс и Альбе Арнау из «Шейл Лэнд» за великолепную работу: благодаря им мои книги переводят на все большее число языков.

Благодарю тех, кто тренировался со мной в Лондонской академии меча последние четыре года. Ваши

головы были чудными мишенями для отработки фехтовальных приемов.

Моя благодарность Энди Стотеру, назвавшему «Ложкой» свой первый боевой молот и прожившему вместе со мной дюжину разных жизней в придуманных нами мирах.

Особая благодарность — моим дедушке и бабушке, Молли и Лесли.

Я благодарен Киту, Бену, Грегу и Генри. Они раньше других прочли то, что потом стало «Черными крыльями».

И, наконец, я неизменно благодарен маме, с раннего детства приучавшей меня сочинять и рассказывать истории, и папе, вложившему в руку трехлетнего мальчика деревянный меч. Конечно, временами мое маниакальное увлечение гоблинами и драконами ставило вас в тупик, но тут вы сами виноваты.

ЧТО ПРОИСХОДИЛО В «ЧЕРНЫХ КРЫЛЬЯХ» И «ЗНАКЕ ВОРОНА»

Безымянные с незапамятных времен воюют с Глубинными королями. Глубинные короли пытаются поработить людей и превратить их в драджей, безобразные подобия человека, рабов, обожествляющих Глубинных королей и слепо преданных им. Глубинным королям противостоят Безымянные — безжалостные, готовые на все ради победы.

Девяносто лет назад Воронья лапа обрушил на приближающихся врагов Сердце Пустоты и тем самым сотворил Морок — отравленную, полную магии пустыню, где бродят призраки и рыщут уродливые чудовища, где направления и расстояния не такие, какими кажутся. Дорогу в Мороке могут найти лишь навигаторы, умеющие читать по трем лунам.

Рихальт Галхэрроу — капитан «Черных крыльев», связанный магией слуга Вороньей лапы. Он должен выискивать и искоренять предателей, диссидентов, шпионов. С помощью Эзабет Танза, спиннера, — колдуньи, умеющей превращать свет в магию, Безымянным удастся заманить и уничтожить Глубинного короля Шаваду и спасти Валенград. Но магия

испепеляет Эзабет, и Рихальт снова теряет женщину, которую любил двадцать лет назад. Однако магия запечатлевает в свете призрака Эзабет, и тот изредка является людям.

Спустя четыре года после гибели Шавады возникает новый враг — управляющий плотью колдун Саравор, некогда исцеливший Ненн, компаньонку Рихальта по «Черным крыльям». Саравор желает напитать Око Шавады на крыше Великого шпиля энергией, чтобы сделаться Глубинным королем. При помощи призрака Эзабет и Валии, шефа своей разведки, капитан предотвращает катастрофу. В финальной битве Ненн погибает, но Саравора уносит с крыши Великого шпиля гигантский выплеск магической энергии.

Хотя город спасен, Амайра, воспитанница капитана, по собственному решению заключает контракт с Вороньей лапой, принимает его метку и переходит в услужение к Безымянному. Валия, понимая, что их близость с Рихальтом заставляет того страдать, решает покинуть капитана. Расставание мучительно для обоих.

Проходят годы.

Близится схождение лун.

ГЛАВА 1

Я бухнулся в песок. Меня не заметили. Наверное. Сколько их было, я не разглядел — много. Но поубивать собирался всех.

— Что ты задумал? — спросила Ненн.

Она сидела на камне, скрестив ноги, и ногтем сдирала прилипшую к зубам лакрицу.

— Закрой рот или убирайся, — мрачно процедил я. — Если тебя засекут, ничего не выйдет.

— Ты сам меня учил не связываться без перевеса сил.

Ненн обнаружила застрявший в зубах корешок, выдернула его и швырнула на песок, где тот немедленно исчез.

— Я тебя учил связываться с умом. Правда, нам обоим это страсть как помогло.

Ненн задумалась, затем презрительно фыркнула.

— Ну зато позабавились.

— Ты хоть раз сделаешь, как просили? Заткнешься?

Я прополз вперед, чтобы лучше видеть каменистую пустошь под склоном. Красный песок порос бурными папоротниками. Они казались скорее шерстью, чем растениями. Морок иногда путался: что — животное, а что — растение или камень. Но в бурой поросли

можно было укрыться. Я вытащил подозрную трубу, подкрутил, фокусируясь на отряде, быстро подсчитал.

Результат мне не понравился.

С нынешнего востока подходил изрядный патруль с запасными скаковыми и грузовыми тварями. Обычно ни Альянс, ни драджи не посылали солдат так далеко в Морок — по крайней мере, последние пару месяцев. Слишком плотная тут была магия, обволакивающая, словно желе. Она привлекала больших тварей. А может, они рождались в глубине Морока. Здесь даже воздух, затхлый и тяжелый, отравляла резкая химическая вонь всюду разлитого колдовства. Первый пришедший сюда патруль я счел сбившимся с пути. Второй тоже. Но затем явился и третий, а это уже не походило на совпадение.

Хм, три десятка драджей.

— Какие планы? — спросила Ненн.

Она поскребла живот, будто хотела разодрать кожу и посмотреть, что под ней. Иногда она так и делала. Иногда меня от этого даже не тошнило. Со временем привыкаешь ко всему. Я — живое тому свидетельство.

— Те же, что и обычно.

Ненн не помнила моих обычных планов. Призраки не умеют запоминать.

Я вытащил мушкет из потрепанного холщового мешка. На мне все износилось и обветшало, но об оружии я заботился, доставал пострелять и аккуратно упаковывал, когда отпадала надобность в стрельбе. Я откусил кончик гильзы, засыпал порох, забил бумагу и пулю. Пуль у меня осталось всего три. Как давно я не был в городе, не закупал припасы?

Не помню. Но сейчас и одной пули хватит.

Патруль оказался из драджей новой породы. Драджи — они разномастные, от чудовищно распухших «невест» до серо-восковых безносых бойцов. У этих кожа была синюшного оттенка, от людей у них почти ничего не осталось. Глядя в окуляр, я и с такого расстояния различал плоские, лишенные черт, также безносые лица — пласти мяса с ртами-прорезями и черными шарами глаз. Ехали драджи плотным строем, на косматых четвероногих тварях, неизвестных нашим ученым. Привезли тварей издалека, из какой-то покоренной Глубинными королями земли. Я называл их харками — за издаваемые звуки. Харки были тяжеловесными, медленными. Седоки держали в руках тяжелые арбалеты и пики, мечи, боевые молоты. Хорошее снаряжение. И доспехи неплохие.

Они наверняка охотились за мной. А что еще им тут искать?

Я закрепил прицел на мушкете. Таким прицелом в нашем мире могут похвастаться немногие. Или вообще никто, кроме меня. Над ним поработал Малдон. Прицел сам учитывал расстояние и отдачу. Кто его знает, как он работал, но с ним я из посредственного стрелка превратился в звезду снайперов.

Теперь — найти мишень. Главного распознать просто: у него на мускулистых руках больше всего молитвенных лоскутов: болтающихся черных и красных тряпок, демонстрирующих благочестие. Синюшная трупная морда, как и у остальных, но на панцире — позолоченная печать, отметина короля Акрадия, знак рабства, носимый в качестве медали. Я прицелился в переносицу главарю, но стрелять не

стал. Главарь, да... но его место тут же займет помощник. А меня после выстрела сразу заметят.

Главная цель — в середине колонны. Он тоньше и меньше, чем другие воины, иначе изувечен, в нем больше осталось от человека: нос, губы, волосы. Древние бронзовые доспехи его вычурно разукрашены — знак почестей от господина. Хм, а пробьет ли мой мушкет доспехи с такого расстояния? Похоже, этот тип — самый безобидный в ораве. Но именно он здесь ценнее всех. У него инструмент, сделанный из толстых и тонких колесиков и линз. Астролябия для определения положения лун — только их положение и постоянно в хаосе Морока.

— Один выстрел, — напомнила Ненн. — Они же услышат.

— Спасибо, не знал, — буркнул я. — А тебе-то какое дело?

Она ухмыльнулась и пожала плечами.

Я ненавидел призрак Ненн. Знал, что Ненн — ненастоящая, но, вопреки своей воле, реагировал на нее, будто на взыправдашнюю. И это ненавидел тоже.

Так, зажигаем фитиль. На полке есть порох — все, можно стрелять. В ноздри ударил едкий кислый смрад. А, старый знакомец. Я с наслаждением вдохнул его. Воня Морока я уже почти не замечал. Со временем приспосабливаешься к чему угодно. А у меня времени было достаточно — целых шесть лет.

— Думаешь, после выстрела они не кинутся убивать тебя? — осведомилась Ненн.

— Попытаются, — заверил я.

Посмотрел в прицел, навел. Попасть в башку куском свинца — хорошо. Но у драджей толстые

черепа, и не каждый такой выстрел убивает. У меня есть цель получше.

По щеке скатилась капля пота. Я медленно, спокойно дышал, прислушиваясь к биению сердца, пока в голове не сделалось светло и пусто.

Щелкнул курок, вспыхнул порох на полке, ружье взревело, и астроябия в руках драджа брызнула фонтаном стеклянных и металлических осколков. Пуля проломила бронзовый нагрудник и вышла со спины. Вокруг завывали харки, из дергающихся пальцев выпал комок прутьев, колес и циферблатов, и навигатор вывалился из седла.

В этот момент все драджи сдохли, они были мертвей, чем если бы я вогнал каждому пулю в голову. Главное в Мороке — не потерять навигатора. Там повсюду пески, компас не знает, куда показывать, ориентиры будто отращивают ноги и проворно удирают. Выбраться из глубин Морока назад, в Дхьяру, драджи имели меньше шансов, чем я — выиграть конкурс красоты.

— А вдруг у них есть второй навигатор? — спросила Ненн.

Я прицелился в павшего, но остальные засуетились, прикрыли его своими телами.

— Они никогда не берут второго. Эти «голубые» неизвестной породы точно не отыщут обратной дороги. Гляди, капитан уже понял, что дело дрянь.

Я посмотрел направо, но Ненн тут же переместилась влево и злорадно ухмыльнулась в ответ на мой оскал.

Драджи не ухмылялись. Они яростно и тоскливо завывали, выдернули из ножен мечи. На узорчатых доспехах, покрытых славословиями богам-Королям,

болталось, трепетало на ветру множество лент с молитвами. Но, похоже, молились эти драджи не слишком усердно.

— Ты уверен, что все продумал? — осведомилась Ненн.

— Вечно тот же вопрос.

— А как ты собираешься их перебить?

— Никак, — ответил я. — Мне не придется.

Драджи заметили меня. Их плоские лица и янтарные глаза обратились к облаку порохового дыма. Они знали: шансы попасть из арбалета с такого расстояния меньше нулевых. К тому же противник один. Я встал, чтобы получше засветиться, и занялся перезарядкой: надкусил второй патрон, засыпал порох, забил пыж и зарядил пулю.

Драджи пришпорили рогатых тварей, харки застучали копытами по песку и щебню: пошли вверх по склону. Похоже, растерялись и разозлились и харки, и их седоки. Это хорошо. Злость отупляет.

— Дрянной расклад, — буркнул призрак Ненн.

Я покачал головой.

Атакующие драджи были уже мертвы, хотя пока не понимали этого. Я скрипнул зубами, стер пот со лба. План мой не вызывал сомнений, но, по правде говоря, и лучшие планы нередко рассыпаются прахом.

— Давайте, ублюдки, пора прикончить меня, — прорычал я и прицелился.

Прицел послушно сделал поправку на меньшую дальность. Драджи неслись ко мне, песок летел из-под копыт. Первый всадник скалился, безгубый рот его испускал монотонное жужжание. Драдж мчался прямо на меня, высоко подняв кривой меч. Мушкет

